

Лозница Сергей
(п.р.р.)

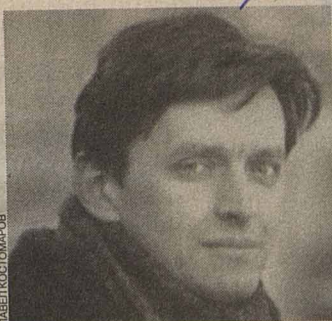
11.03.06

«Когда я увидел блокадный материал, *март - с.8* я просто остолбенел» *Коммерсант - 2006 - 11*

Премия киноведов и кинокритиков «Белый слон» по категории документального кино присуждена фильму «Блокада». Его режиссер Сергей Лозница родом из Белоруссии, живет в Германии, работает в России, в Литве, на Украине. В новой картине, которую специалисты признали событием в своем жанре, режиссер использовал хронику ленинградской блокады, но благодаря авторскому монтажу и переозвучиванию на этой основе выстраивается совершенно оригинальное произведение. С СЕРГЕЕМ ЛОЗНИЦЕЙ побеседовал АНДРЕЙ ПЛАХОВ.

— Прокат неигрового кино носит скорее символический характер, а ваши фильмы из тех, что надо смотреть только на экране. Где вам удалось показать «Блокаду»?

— Был показ в Петербурге в день снятия блокады, картина участвовала на фестивале «Сталкер» в Москве и на международном фестивале в Роттердаме. Такого рода фильмы вы можете увидеть, как правило, только по телевидению. А телевидение использует в своих целях уже созданный киноязык. Случается так, что фильмы, предлагающие разные трактовки событий, используют

одни и те же кадры. И какой в этом смысл помимо «смыслов», которые диктует нам кадровый голос?

— Что такое для вас идеальное документальное кино?

— Идеального кино нет, это абстракция, но для меня в кино важно прежде всего изображение. Интересно пробовать разные возможности киноязыка. В «Блокаде» черный экран с погашенным звуком разделяет эпизоды, что создает ощущение проходящего времени. Сейчас я делаю картину, где кадры тоже разделены черным полем. Но в данном случае на черном поле звук продолжается, и эффект возникает другой.

— А фактура, снимаемый материал?

— Я стремлюсь делать кино о незначимых вещах, о неисклечительных обстоятельствах.

— Даже если речь идет о блокаде?

— Да. Тема фильма — обыденность. То, что я пытаюсь делать, — это воссоздание второго плана. Просто атмосфера. Драма не обязательно столкновение, драма есть в любой длительности. Мы посидели, помолчали — прошло время, а ведь мы не воспринимаем время как драму. «Холодок щекочет темя, и нельзя признаться вдруг, и меня срезает время, как скосило твой каблук». Хотя монтаж, фокус, последовательность эпизодов — это все равно авторский волюнтаризм. Когда я увидел блокадный материал в первозданном виде — это примерно четыре часа материала, я просто остолбенел, не мог оторваться. А потом посмотрел сделанные из него документальные фильмы — почти все это было пропагандистское кино. Мы до сих пор не понимаем, как изображение работает с нашим сознанием. Мне кажется, что сегодня опять пришло время длинных планов — что-то в духе Уорхола или Белы Тара.

— Но это уж совсем экстрим!

— То, что сейчас экстрим, когда-то будет мейнстримом. Сегодня крупный план в документальном кино преобладает потому, что свои правила диктует ТВ. Но когда распространятся большие плазменные экраны, их надо будет чем-то заполнить — и тогда вернется подробный общий план.